

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Курцио Малапарти

**РЕПОРТАЖИ
С ПЕРЕДНЕГО
КРАЯ**

**ЗАПИСКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
О СОБЫТИЯХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1941—1943

За линией фронта. Мемуары

Курцио Малапарти

**Репортажи с переднего края.
Записки итальянского военного
корреспондента о событиях на
Восточном фронте. 1941–1943**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Малапарти К.

Репортажи с переднего края. Записки итальянского военного корреспондента о событиях на Восточном фронте. 1941–1943 / К. Малапарти — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5175-9

Летом 1941 года итальянский писатель и журналист Курцио Малапарти в качестве военного корреспондента освещал события, происходящие на Восточном фронте. Он рассказывал о том, как проводилась подготовка солдат к боям, описывал самые жестокие сражения, представлял бытовую сторону жизни солдата и страдания мирного жителя, в дом которого ворвалась война. Свидетельства автора были настолько честны и непредвзяты, что его обвиняли в симпатиях к коммунистической России. А Малапарти, по его собственному признанию, своими репортажами стремился лишь представить объективную панораму фронтовой жизни, показывая весь ужас и абсурдность войны, что, впрочем, не мешало ему давать личную оценку событиям, происходящим на его глазах.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5175-9

© Малапарти К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Курцио Малапарти
Репортажи с переднего края. Записки
итальянского военного корреспондента о
событиях на Восточном фронте. 1941—1943

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Когда с началом войны Германии против Советского Союза в июне 1941 года в «Коррере делла Сера» начали появляться мои репортажи с фронта на Украине, итальянская публика преисполнилась крайним изумлением и даже, можно сказать, потрясением и негодованием.

Меня подробно цитировали в прессе Британии, Америки, Швейцарии и стран Скандинавии. Мои репортажи воспринимались международным сообществом как единственные объективные документальные свидетельства, которые приходили из Советской России после начала войны. Тем не менее великому множеству людей в Италии казалось, что мои наблюдения и размышления были результатом не честного и смелого желания рассказать правду, а лишь личными симпатиями к коммунистической России, и, как следствие, мое видение событий представлялось им пристрастным и спорным.

Поскольку мои статьи совершенно отличались от той линии, которой придерживалась итальянская пресса, а именно утверждения, будто война против России станет недолгой и «легкой», а также в связи с тем, что они противоречили даже мнению остальных специальных корреспондентов моей собственной газеты, многие мои читатели пришли к заключению, что я оказался полностью пристрастным. Немало было и таких, кто объявил меня «пораженцем» и громко требовал немедленно отозвать меня с русского фронта и подвергнуть аресту. Позже все они были склонны благодарить меня за то, что я смог правильно оценить события, а мои «симпатии» к коммунистической России, в которых меня упрекали, рассматривать лишь как стремление объективно их освещать. Это вынужден был признать даже сам Тольятти в личной беседе со мной во время празднования Пасхи в 1944 году, когда он прибыл ко мне домой и поздравил меня именно с теми репортажами.

Но в те первые дни объективность считалась преступлением. В сентябре 1941 года по указанию Геббельса немецкие военные власти выслали меня из района боевых действий на советском фронте, не обращая внимания на протесты командующего итальянскими экспедиционными войсками в России генерала Джованни Мессе (1883–1968). Несмотря на то что фашистские цензоры, как военные, так и политические, пусть и неохотно, разрешали публиковать мои репортажи, Муссолини сначала пригрозил отправить меня обратно в Липари, а затем на четыре месяца подверг домашнему аресту. Но в январе 1942 года, когда ход событий на фронте подтвердил обоснованность моих суждений и точность прогнозов, он приказал отправить меня обратно на русский фронт. Однако на этот раз, опасаясь репрессий со стороны немцев, я сам попросил послать меня в Финляндию, где Гитлер не имел власти. Мою просьбу уважили, и два года, вплоть до ареста Муссолини, я оставался в Финляндии. Затем, 27 июля 1943 года, я вернулся в Италию, чтобы занять свое место в рядах борцов против немцев, в борьбе, которая, как я считал, начнется скоро и неизбежно.

Часть первая По следам Наполеона

Глава 1 Вороны Галаца

Галац, 18 июня 1941 года

Расположенный между реками Прут и Дунай, посреди нескольких мелких водоемов, Галац пропах рыбой и гниющими камышами. (Добавьте сюда ощущаемый июньскими вечерами слабый запах наносов ила, который пристаёт к листьям деревьев, женским волосам, лошадиным гривам, длинным нарядам скопцов, кучеров-евнухов из знаменитой русской секты, для которой Галац стал последним убежищем и храмом.) От Брэилы до Галаца, от Сулины до низких гор Добруджи¹ располагается обширное пространство сияющей воды. Весенние половодья превратили эту территорию в огромное болото. Здесь, подобно гигантской занавеси, развевающейся под дуновениями ветра, плывет по холмам Валашская равнина. Через неровные интервалы из бесконечных болот робкими островами восходят участки желтой земли. Затем болота постепенно переходят в подобие мелководного бассейна, на территории которого лежат спокойные воды озера Братеш², вечно укрытые прозрачной бледно-голубой дымкой.

Галац расположен на краю этого бассейна, на вершине треугольника, образованного реками Дунай и Прут, которые сливаются в нескольких километрах ниже по течению от города. Далеко у горизонта создают фон к этому изменчивому пейзажу с его низкими домиками, болотами и дымкой горы Добруджи. Они отражают те же зыбкие тени синего и зеленого цвета, создают ту же обстановку романтики и утонченной невинности. Зачастую они исчезают за горизонтом, оставляя за собой в мерцающем свете чувство неясной печали, ощущение, которое присуще по большей части женщинам.

Между моей гостиницей и Советской Россией находится лишь река Прут с ее неторопливыми желтыми водами. Здесь, неподалеку от устья, она расширяется и образует обширную мутную котловину озера Братеш, гладкая поверхность которого здесь и там изрезана зарослями камыша, растущего часто и плотно на илистом берегу. В эти дни берег Прута кажется необычно пустынным. По поверхности реки не прокладывает себе путь ни буксир, ни грузовое судно, ни даже ревуший моторный катер. Можно увидеть лишь, как одинокие лодки румынских рыбаков снуют туда и обратно посреди медленных, покрытых тиной вод у самой кромки берега. Но горе тому, кто осмелится оказаться поближе к середине реки: русские сразу же откроют по нему огонь. С наступлением темноты дозоры русских начинают стрелять в ответ на каждое шевеление листьев, на каждую хрустнувшую ветку. Даже слабых всплесков воды, которые она время от времени издает, ударяясь о берег, достаточно для того, чтобы привести их в состояние тревоги.

Из окна моей комнаты можно невооруженным взглядом разглядеть дома на русском берегу, склады пиломатериалов, дым нескольких буксиров, стоящих на якоре в заливе реки. На дороге, что проходит вдоль реки, можно различить в бинокль группы людей, скорее всего солдат, колонны техники, кавалерийские разъезды. По ночам советский берег кажется полностью погруженным во мрак. Создается впечатление, что оттуда, с того берега, приходит ночь,

¹ Низкие горы Мэун, высоты до 467 м. (Здесь и далее примеч. ред.)

² У северо-восточных окраин Галаца.

там она растет и крепнет, подобно черной стене, стоящей напротив румынского берега с его мерцающими огоньками. На рассвете советский берег постепенно открывает свои закрытые на ночь глаза и смотрит на реку с тусклым, необычно печальным и беспокойным выражением.

Ватаги ребятишек гоняют друг друга вдоль широких аллей общественных садов. Группы людей наклоняются над парашютом Бельведера, который резко возвышается над голой красноватой гладью обширных болот, изрезанных железнодорожными насыпями. Прикрывая глаза руками, они наблюдают за русским берегом.

Там, на дальней стороне берега реки Прут, из домов городка Рени клубится вверх голубоватый дым, который лениво растворяется в пыльном воздухе. (Еще два дня, а может, один день, а может, всего несколько часов.) Я поймал себя на том, что смотрю на часы городской башни, подъезжая на машине к мосту, соединяющему Галац с советским городком Рени.

Сильный запах, резкий и жирный, поднимается в мою сторону от озера Братеш. Это злобное исходит от трупов животных, погребенных под слоем ила. Огромные синие и зеленые мухи с золотистыми крылышками с гулким жужжанием постоянно снуют здесь и там. Группа румынских саперов закладывает заряд взрывчатки, готовя мост к взрыву. Солдаты, смеясь, о чем-то переговариваются между собой. Мутные воды озера Братеш отражают желтоватый свет, который, постепенно угасая, освещает местность, апатичную, меняющуюся, подверженную тлену. Неминуемая война воспринимается будто буря, которая готова вот-вот разразиться, независимо от воли людей, почти как явление природы. (Здесь Европа больше не внемлет голосу рассудка, не знает законов морали. Она стала будто бы ненастоящей, превратилась в континент гниющей плоти.) На дальней стороне моста, у границы с СССР, высится советская триумфальная арка, грубое сооружение, увенчанное ритуальным орнаментом в виде серпа и молота. Мне нужно всего лишь перейти через мост, пройти несколько сот метров, чтобы покинуть эту и перейти границу с другой Европой. Одну Европу от другой отделяет всего один шаг, пусть и слишком длинный шаг, шаг к смерти.

На самом деле весь этот пейзаж создает впечатление ненадежности и недолговечности. Случившееся в ноябре землетрясение привело к тому, что многое в городе превратилось в груды развалин и мусора, и теперь вид этого места наводит на мысли о недолговечности мира и хрупкости цивилизации. Множество домов было разрушено, почти повсюду видны глубокие шрамы от происшедшего. Часть домов осталась без крыш, у других не хватает стен. Некоторые здания потеряли балконы, а прочие – фасад целиком. Встречаются дома, изуродованные широкими трещинами, сквозь которые просвечивает буржуазный интерьер – полы, покрытые турецкими коврами, венские кровати, безвкусные олеографии, украшающие стены каждого дома на востоке. На одной из улиц у Брашиовени обрушились фасады всех зданий; здесь можно видеть, как люди ходят за тканевыми занавесками или перегородками из бумаги, будто на подмостках сцены перед шумной равнодушной публикой. Все это похоже на сцену из картин Пискагора³. Балки, которые поддерживают фасады или стены зданий, образуют что-то вроде скошенной арки, которая проходит от одного до другого края мостовой, и под этой аркой громко шумят люди всевозможных наций и языков. Они толкаются, догоняют друг друга, быстро собираются в группы, которые так же быстро распадаются, в одну бурлящую массу. Во многих местах, например на улице Полковника Бойле, на дорожках, что ведут к озеру, до сих пор можно наблюдать нагромождение камней от разрушенных домов. И посреди этих развалин, под аркой из балок, сильно потрескавшихся, шатающихся стен, перед сценой из тех домов с прорехами в клубах желтоватой пыли собрались толпы греков, армян, цыган, турок и евреев. Здесь все погрузилось в суматоху галдящих голосов, воплей, взрывов смеха, визга, песен, реву-

³ Пискагор Николас Иоаннис (Клас Янс Висхер; 1586–1652) – голландский издатель и гравер.

щих из граммофонов. И над всем этим витает запах конской мочи и аромат роз, запах Леванта, аромат Черного моря.

По обеим сторонам мостовой улиц расположились сотни и сотни кафе, галантерейных и парфюмерных лавок, парикмахерских, стекольных мастерских, кондитерских и кабинетов дантистов. Парикмахеры-греки с лицами оливкового цвета, с огромными черными усами сверкают бриллиантином. Дамские мастера с пышными черными волосами, завитыми с помощью утюга и уложенными в стиле барокко. Турки-кондитеры, с рук которых капает мед и масло; их руки до локтей пропитались тертым миндалем и фисташками. Парфюмеры, сапожники, фотографы, портные, дантисты и хозяева табачных лавок – все они приветствуют вас певучими голосами, торжественными жестами и глубокими поклонами. Каждый приглашает вас войти, сесть, позволить себя причесать, побрить, примерить костюм или белье, пару обуви, шляпу, бандаж или очки, или, может быть, приобрести набор искусственных зубов, флакон духов, или что-нибудь еще, например, сделать вам завивку, причесать или подстричь. А в это время в турецких кофейнях в блестящих бронзовых маленьких турках пенится кофе, а продавцы газет громко выкрикивают заголовки репортажей о положении на границе, и бесконечные процессии густоволосых накрашенных женщин с завитыми прическами проходят вдоль мостовой в ту или в другую сторону перед столиками кафе, заполненными толстыми левантийцами, что сидят там широко расставив ноги, как в описаниях Пашино, бывшего здесь проездом из Брэилы⁴.

Еще не время отправляться на ленч к Сюре. Поэтому я вышел из греческой кофейни «Манцавинато» и по одной из самых фешенебельных улиц Галаца под названием Домнеаска отправился к заливу, до которого примерно полтора километра. На улице Брашиовени окна вибрируют от пронзительного грохота трамвайных колес. Мимо в клубах пыли проносятся экипаж извозчика-скопца, в который запряжена пара шумно дышащих ухоженных лошадей. Сам кучер-скопец сидел на своей скамеечке, щеголяя в длинных одеждах. У него вытянутое лицо евнуха с мягкими чертами, очень худое какой-то дряблой, обвисшей худобой. Стаи собак и ватаги детей гоняют друг друга с одной стороны улицы на другую. Посмотрев вверх, я обнаружил, что надписи на магазинах выполнены на еврейском, армянском, турецком, греческом и румынском языках. Наконец я оказался на улице, что ведет к заливу.

Дунай после дождей вышел из берегов, вверх и вниз на воде качаются массивные фонари, привязанные вдоль причалов. Улица, проходящая вокруг гавани, представляет собой нечто вроде бесконечного ряда низких домиков, наполовину разрушенных землетрясением и теперь укрепленных с помощью балок. Самые роскошные жилища построены из кирпича. Остальные – из земли, смешанной с известью. И самые бедные – из соломы, смешанной с глиной. На улице прохожему обязательно встретится несколько мрачных складов с широко распахнутыми дверями, за которыми видны огромные ряды стеллажей с бочками, где хранятся деготь, перец, хальканит, сушеная рыба, изюм и разнообразные специи. Эта оживленная торговля импортным товаром монополизирована греками. Стройные и загорелые или, наоборот, полные и очень бледные, они стоят в дверях своих магазинов, скрестив руки на груди, с прилипшими к нижней губе сигаретами. С тусклыми глазами с нависшими над ними густыми черными бровями и длинными орлиными носами с подрагивающими красными ноздрями. Именно носы придают этим лицам цвета каракатицы хоть какое-то подобие жизни и утонченности, которое в остальном совершенно отсутствует в этих людях.

Суэта царит во всем Бадалане, как называется район вокруг гавани. На берегу реки толпятся солдаты. Группа военнослужащих территориальных войск разгружает с какого-то парохода скот, тюки сена, мешки с зерном и вязанки дров. Солдаты пожилые, с сединой в волосах. Они поспешно снуют между лихтером и причалом друг за другом, похожие на желтых насе-

⁴ Пашино Петр Иванович (1836–1891) – русский путешественник и журналист. В 1875–1876 гг. совершил кругосветное путешествие, до этого работал в Иране и Средней Азии, путешествовал по Индии.

комых. Несколько женщин с зелеными, желтыми и красными солнечными зонтами сидят на палубе лихтера, поедая сласти. Это жены капитанов, штурманов и владельцев судов.

На берегу, возле загона для скота, другая группа солдат занята приготовлением пищи. Это молодежь. Работая, они балуются и смеются. Кто-то чистит лук и чеснок, кто-то кидает в котелок фасоль, кто-то мажет большую сковороду лярдом, кто-то чистит картошку, кто-то режет на кусочки мясо, чтобы начать его готовить. В котелках кипит фасолевый суп. За всей этой процедурой наблюдает капитан, который время от времени поворачивает голову и лениво скользит взглядом по заливу, смотрит на женщин на палубах пароходов, на скот, на русский берег озера, за которым возвышается литейный завод «Титан-Надраг-Калан», охраняемый часовыми с примкнутыми к винтовкам штыками.

Широкие приземистые трубы завода извергают огромные облака черного дыма, который стелется над заливом, над домами, солдатами, животными и лихтерами. Временами создается впечатление, что причалы горят, что весь район Бадалан объят пламенем. Видно, как солдаты бегут за скотиной, как они гонят перед собой хлыстами лошадей. Непрерывно гудит товарный поезд, маневрируя перед станцией, которую тоже не пощадило землетрясение. В районе Бадалана все окрашено в синий цвет: окна, жалюзи, двери, балконы, перила, вывески магазинов и даже фасады домов. Здесь, на берегу этой мутной, почти белой реки, почему-то все заставляет вспоминать о море.

У бункеров за заводом неподвижно стоит группа солдат и рабочих. Они пожирают глазами манифест, который расклейщик афиш только что приклеил на стену. Это заявление правительства о том, что Хория Сима и другие лидеры легионеров⁵ приговорены к принудительным работам. Люди стоят, замерев, около манифеста, будто разглядывают картину. Мне в голову приходит мысль, что, возможно, они не умеют читать. Затем вдруг кто-то из солдат засмеялся, и все стали переговариваться между собой. Они обсуждали цену, которую правительство назначило за реквизированный скот, говорили о надвигающейся войне. Пока я иду обратно к гостинице, с озера Братеш поднимаются черные тучи, огромное темное пятно, которое заслоняет небо над рекой, над заливом и над городом. Пятно оказывается огромной стаей ворон. Птицы-могильщики печально каркают с крыш. Я иду обратно по улице Брашиовени.

Вдруг что-то падает с неба прямо на мостовую, в толпу пешеходов. Никто не останавливается и не оглядывается по сторонам. Я наклоняюсь над предметом, чтобы осмотреть его. Это кусок плоти, который ворона выронила из клюва.

⁵ Имеется в виду «Железная гвардия», ультраправая партия, действовавшая в 1927–1941 гг. Ее основателем был Корнелиу Зея Кодряну, после его казни в 1938 г. лидером партии стал Хория Сима. Главными своими врагами партия считала евреев, марксистов всех видов; ее национализм был крепко связан с религией, господствовал культ мученичества и самопожертвования.

Глава 2

Красная война

Яссы, 22 июня

Война против Советской России началась сегодня на рассвете. Впервые за последние два месяца я слышал звук артиллерийской канонады. (В прошлый раз это было в апреле под стенами Белграда.) Посреди этих обширных полей пшеницы и бесконечных «лесов» подсолнечника я снова вижу войну с ее беспощадной стальной поступью. Она в грохоте металла машин, в непрекращающемся монотонном вое тысяч двигателей («Хоннегер», «Хиндемит»). Снова запах людей и лошадей отступает перед всепоглощающим зловонием бензина. (Вчера, когда я ехал на северо-запад вдоль советской границы из Галаца в Яссы вдоль реки Прут, то наталкивался на команды упрямых непробиваемых фельджандармов, стоявших на каждом перекрестке, вооруженных своими красно-белыми регулировочными жезлами, с медными горже-тами на шеях.)

Как-то меня продержали два часа на одном из перекрестков, пока мимо проезжала германская колонна. Это была моторизованная дивизия. Впереди шли тяжелые танки. В описываемое время тяжелых танков в вермахте не было, самыми тяжелыми были средние танки Pz IV и Pz III. Она была переброшена из Греции. Дивизия прошла через греческие Аттику, Беотию, Фессалию, Македонию и далее через Болгарию и Румынию. Солдат везли на грузовиках в открытых кузовах. Они сидели на скамейках спиной к водителю. Их лица были белыми от пыли. На капоте каждого грузовика белым цветом было грубо нарисовано изображение Парфенона, так, как если бы его колонны изобразил ребенок. Белый цвет на темно-сером металле. Можно было догадаться, что под слоем пыли лица солдат были обожжены солнцем и ветрами Греции. Солдаты замерли в странной неподвижности, они напоминали статуи. Они были такими белыми, что смотрелись будто бы высеченными из мрамора.

У одного из них была сова, живая сова, которая сидела у солдата на руке. Птица, несомненно, приехала сюда из Акрополя. Это была одна из тех сов, что ночами с уханьем летают между мраморными колоннами Парфенона. (Тут я вспомнил, что сова считалась священной птицей Афины Паллады, «совоокой» богини.) Птица то и дело встряхивала крыльями, чтобы избавиться от пыли; на фоне унылой белизны окружающего пейзажа ее глаза горели особенно ярко. Такие же горящие глаза были и у немецкого солдата. В его взгляде было что-то таинственное, не подвластное времени. Этот взгляд будто говорил о вечной суровой непоколебимости.

Серые стальные машины прогрохотали мимо ивовых деревьев, росших вдоль реки Прут. Танки изрыгали из себя голубые струи дыма. Этот острый голубоватый дым наполнял воздух, смешиваясь с сырой зеленью травы и золотом пшеницы. Движущиеся колонны танков под прикрытием самолетов Ю-87 «Штука», с воем выписывавших арки в небе, казались тонкими линиями, нарисованными карандашом на широкой зеленой доске Молдавской равнины.

Правый, румынский, берег реки Прут, 23 июня

Я заночевал в деревне на правом берегу реки Прут. Время от времени сквозь бешеную дробь дождя и рев стихии я слышал где-то за горизонтом грохот орудий. Потом на равнину упала плотная непроницаемая тишина. При свете периодически разрывавших темноту вспышек молний можно было видеть, как по дороге, пересекавшей деревню, проходили колонны машин, батальоны пехоты, артиллерийские орудия, которые тащили мощные грузовики. Рев машин, топот лошадиных копыт, гортанные голоса солдат наполняли ночь тем неутолимим чувством тревоги, что всегда характерно для периода ожидания возле линии фронта.

Потом, когда в небе на востоке вспыхнул первый робкий луч рассвета, где-то вдалеке снова послышался глухой грохот орудийной стрельбы. Через серый безмолвный туман, кото-

рый ватой повис между ветками деревьев, я видел, как медленно всходит солнце, желтое и мягкое, похожее на яичный желток.

«Inainte, inainte, baetzi! Sa mergen, sa mergen!» Поднимаясь в телегах, солдаты щелкали кнутами, били лошадей по влажным бокам. «Inainte, inainte, baetzi! Но! Пошла!» Скрипели колеса, и повозки по самую ось погружались в грязь. По всем дорогам у Прута тянулись бесконечные колонны румынских военных повозок (телеги, которые здесь называют «каруцце», их используют крестьяне, с единственным длинным дышлом, грубо обработанные по бокам), которые тащили пары косматых низкорослых лошадей. «Sa mergen! Sa mergen!» Моторизованные германские колонны с ревом проносятся мимо этого потока телег, водители высовываются из кабин грузовиков с криком: «Weg! Weg! Дайте дорогу!» Тогда телеги соскальзывают к обочине, лошади тонут в глубокой грязи, румынские солдаты кричат, бранятся, смеются, щелкают своими кнутами, нахлестывают тощих лохматых лошадок по мокрым парящимся бокам. Небо прорезают металлические крылья немецких самолетов, постоянно пролетающих над головой непрерывным стремительным потоком, прокладывая себе путь в прозрачном небе, будто алмазы стеклорезов. Гул их двигателей падает на степь вместе с мягким свистящим звуком дождя.

Близ Хуши в Румынии, 25 июня

Несмотря на то что война идет уже три дня, Красная армия еще не вступила в сражение. Масса ее танков, ее механизированные части, ударные дивизии, команды специалистов (которых в армии, так же как и в промышленном производстве, называют стахановцами или ударниками) все еще не ведут боев. Стоящие перед нами части представляют собой войска прикрытия. Их немного, но свою немногочисленность они компенсируют мобильностью и упорством. Ведь русские солдаты настоящие бойцы. Их отступление из Бессарабии очень мало напоминает беспорядочное бегство. Это постепенный отход под прикрытием арьергардов из пулеметчиков, отрядов кавалерии, специалистов инженерных войск. Это тщательно подготовленное методичное отступление. Признаки поспешного оставления позиций, того, что противник был застигнут врасплох, наблюдаются лишь на немногих участках, там, где безошибочно можно найти следы боев в виде сожженных деревень, трупов лошадей, которых оставили гнить в канавах, разбитых машин и иногда, то здесь, то там, нескольких трупов (хотя последние встречаются так редко, что можно предположить, что советским солдатам приказали забирать своих погибших с собой). Короче говоря, стало ясно, что война не стала для русских, по крайней мере для военных, сюрпризом.

Однако в эти первые дни бои носят такой характер, что было бы необдуманным пытаться делать какие-либо выводы. Ведь немецкие и румынские дивизии пока воюют только против советских арьергардов. Вряд ли главные силы русской армии на Украинском фронте вступят в сражение западнее Днестра, который представляет собой естественный оборонительный рубеж. Противник попытается замедлить немецкое наступление, закрепившись на левом берегу Днестра, но настоящее сражение, настоящая битва начнется вдоль днестровского рубежа.

У Штефэнешти в Румынии, 27 июня

Сегодня я встречался с группой советских пленных. Их высадили из грузовика у немецкого штаба. Это были высокие молодые люди с бритыми головами, одетые в длинные кожаные пальто. Они были больше похожи на механиков, чем на солдат. Я подошел к самому молодому из них и задал ему несколько вопросов на русском языке. Он молча посмотрел на меня, ничего не ответив. Когда я снова обратился к нему, он на мгновение бросил на меня внимательный взгляд своих холодных глаз, откуда ушел блеск. Затем с ноткой раздражения в голосе он проговорил: «Я не могу». Я предложил ему сигарету, и он равнодушно ее принял. Сделав две или три затяжки, он бросил ее на землю, а потом, как бы извиняясь за этот невежливый

жест, посмотрел на меня с такой странной стыдливой улыбкой, что я бы предпочел, чтобы этот человек взглянул на меня с выражением открытой ненависти.

Глава 3 Рабочие в форме

Левый берег реки Прут (на территории СССР – в Молдавской ССР), 29 июня

Среди огромных зеленых пространств, что тянутся на километры во всех направлениях, вряд ли теперь кто-то может обнаружить малейший запах человека (только дух разложения отдельных трупов возле деревень, одиночных щелей и окопов, где советские солдаты оборонялись до последнего человека. И это можно считать запахом жизни, или, по крайней мере, связанным с нею).

Всю ночь напролет тяжелое темное и мрачное небо, словно из чугуна, падало на землю, подобно прессу в литейном цехе. Лагерь немецких войск на берегу озера в лесу просыпался на рассвете со звуками, напоминающими фабрику или завод. Точнее говоря, это даже не лагерь, а скорее бивак, поскольку состоит из целого парка машин, примерно двадцати грузовиков и четырех тяжелых (средних. – *Ред.*) танков. Все это в форме прямоугольника построилось на поляне около дороги. Проснувшись, немецкие солдаты принялись копаться в двигателях машин с помощью ключей, плоскогубцев, клещей и молотков. Чиханье карбюраторов заглушило ржанье лошадей эскадрона румынских улан, расположившихся по соседству с немецким лагерем. Из пруда доносятся веселые голоса купающихся и ополаскивающих немецких солдат, которые с хохотом гоняются друг за другом по берегу. Чуть далее собранные для водопоя лошади румын нетерпеливо бьют копытами землю, поднимая в воздух комья грязи. В румынском лагере солдаты жгут костер и готовят кофе. Немецкий унтер-офицер, одетый в камуфляж до колен, направляется по траве к дороге. Опустив голову, он, наверное, что-то ищет. Танки и грузовики тоже покрыты маскировочными сетями. На сложенные у бивака штабеля ящиков и канистр с бензином наброшены ветки.

Одетые в черные мундиры с беретами (на беретах эмблемы с мертвой головой), немецкие экипажи прохаживаются вокруг своих танков, наклоняются, чтобы осмотреть гусеницы, постукивают по колесам тяжелыми молотками, как железнодорожники при проверке вагонных тормозов. Время от времени кто-нибудь забирается на танк, поднимает люк, скрывается в брюхе гиганта, а затем появляется обратно. Под большим деревом оборудована полевая кузница. Кто-то из солдат возится с мехами. Другой бьет по наковальне молотом. Третий разбирает двигатель. Их товарищи проверяют давление в шинах грузовика. Запах керосина, выхлопных газов, бензина и раскаленного металла воссоздает в лесу характерную атмосферу мастерской. (Это – запах современной войны, настоящий дух войны моторов.) Но стоит отступить на сотню шагов, как его сменяет запах лошадиной мочи и человеческого пота. Сидя на траве возле своих палаток, румынские солдаты чистят винтовки, громко разговаривают между собой и смеются. Все они молоды, и все они крестьяне. Стоит лишь прислушаться к их речи, присмотреться к жестам, движениям, походке, к тому, как они держат оружие, как они отводят затвор, рассматривают ствол изнутри, как сразу же становится ясно, что все они крестьяне.

Их офицеры, капитан и двое других, ниже званием, прогуливаются туда-сюда по берегу озера, постукивая камышинками по кавалерийским сапогам. (В верхней части сапога, прямо под коленом, находится золотая розетка, эмблема кавалерии.) Рядом с лагерем вдруг показалась группа девушек-крестьянок. Я наблюдал за тем, как они раздают вишню, клубнику, а также бутылки с местной разновидностью йогурта, которую здесь называют «*lapte batut*». Тут с неба доносится звук, похожий на жужжание насекомого. Солдаты смотрят в небо. Этот звук издают три советских самолета. Они летят очень высоко в направлении на Хуши. Ночью советские летчики спят. Они взлетают на рассвете, кружат в округе все утро. Затем ближе к полудню исчезают и возвращаются почти на закате. Русская авиация собирается сбросить бомбы на

Яссы, Галац, Брэилу, Тулчу и Бухарест. Немцы продолжают задира́ть головы вверх. Они молча смотрят на вражеские самолеты. Затем так же молча они возвращаются к работе.

Я смотрю, как они работают. Я вижу, как двигаются их руки, как они держат предметы, как наклоняют головы над объектом своего труда. Это те же солдаты, за «работой» которых я наблюдал на улицах городов и селений Баната, севернее Белграда. На их лицах то же озабоченное отстраненное выражение, то же спокойствие, у них те же продуманные, точные движения, та же неулыбчивая невозмутимость. Они демонстрируют все то же безразличие ко всему, что не связано с их работой. Мне кажется, что особенный технический характер этой войны наложил свой отпечаток на бойцов. Они больше похожи на мастеровых за работой, на механиков, занятых наладкой сложной и хрупкой машины, чем на воинов, которые вот-вот вступят в бой. Они склоняются над пулеметом, нажимают на спусковой крючок, открывают казенник полевого орудия, берутся за двойную рукоятку зенитки с тем же деликатным стеснением или, что бывает чаще, с той же грубой сноровкой, будто затягивают гайку, либо ладонью руки или даже двумя пальцами регулируют вибрацию цилиндра, зазор большого винта или давление клапана. Они карабкаются на башни танков, будто лезут по металлической лестнице к турбине, динамомашине или бойлеру. Да, в самом деле, они больше напоминают мастеровых, чем солдат на войне.

Сама их походка, манера говорить, их жесты – все это напоминает рабочих, а не солдат. На лицах раненых все та же скрытая досада рабочего, получившего травму на производстве. Дисциплина этих солдат своей гибкостью и отсутствием формальностей больше характерна для порядка, которого придерживается коллектив рабочих. Их командный дух сродни духу рабочего коллектива, корпоративному духу профессионалов. Они связаны со своим подразделением теми же узами общности и преданности, что и коллектив рабочих, который привязан к своим станкам, электриков – к динамо-машине, мастеровых – к верстаку, бойлеру или прокатному стану. В современных армиях, насыщенных техникой, офицеры являются инженерами, унтер-офицеры – мастерами и бригадирами. Маленькой «бригадой» танка командует фельдфебель, а не офицер. Колонну из двадцати грузовиков возглавляет унтер-офицер. Все солдаты являются специалистами, то есть профессионалами в различных областях. Все они знают, что от них требуется сделать, куда им следует направиться и как вести себя при определенных обстоятельствах.

Сейчас колонна готова к отправке. Механики заполнили топливные баки бензином, три танка заняли места в голове колонны, четвертый – в хвосте. Двигатели с мягким урчанием работают на холостом ходу. Однако в этот момент фельдфебель замечает, что все еще не вернулся посыльный. Он отдает водителям приказ заглушить двигатели. Затем все садятся на траву и начинают завтракать.

Солнце едва поднялось, в лесу слышны отголоски прекрасного пения птиц, листья деревьев окрасились розовым цветом, а вода в озере постепенно становится зеленой. Стволы деревьев сверкают и выглядят так, будто бы их только что покрыли лаком. Солдаты пригласили меня разделить с ними завтрак. Я сажусь на траву, унтер-офицер достает из ранца тубу с консервированным сыром, выдавливая оттуда сыр на черный хлеб, как из тюбика с зубной пастой, и размазывает его ножом. Я приступаю к еде. У меня в машине есть бутылка «Зуйки», разновидности бренди, который готовят из сливы. «Хотите по глотку «Зуйки»?» – предлагаю я. Солдаты весело соглашаются. Они едят и пьют, и вдруг я замечаю среди них симпатичного юношу с бритой головой в мундире цвета хаки. Это пленный.

Несомненно, этот человек рабочий. У него тяжелая челюсть, толстые губы и пушистые ресницы. Выражение лица упрямое и в то же время рассеянное. По некоторым мелким признакам я сделал вывод, что немецкие солдаты чувствуют себя обязанными обращаться с ним с толикой уважения. Причина: этот человек – офицер. Я спросил его на русском языке, не хочет ли он есть. «Нет, спасибо, – ответил он, – я не голоден». Он согласился лишь на глоток «Зуйки».

«О, вы говорите по-русски, – обратился ко мне фельдфебель. – Этот парень ни слова не знает по-немецки. Мы не можем понимать друг друга». Я спросил у фельдфебеля, где этот человек был захвачен в плен. «Он попался нам вчера вечером на дороге», – последовал ответ. С ним не было никаких хлопот. Увидев танки, он сделал жест рукой, будто бы хотел сказать: «Что я могу сделать?» Русский человек был вооружен пистолетом, но у него не было патронов. Пока я разговаривал с фельдфебелем, пленник внимательно разглядывал меня, будто бы пытаясь понять, о чем идет речь. Затем он внезапно протянул руку и схватил меня за рукав. «Мы сделали все, что могли, – заявил он, – мои люди сражались упорно. В конце боя нас осталось всего двое, – добавил он, выбросив окурок. – Второй умер на дороге». Я спросил его, был ли его товарищ солдатом. «Да, он был солдатом, – подтвердил он, посмотрев на меня с удивлением. – Он был солдатом, – повторил русский, будто бы значение моего вопроса только сейчас дошло до него.

Мы завязали разговор. Я говорил медленно, подбирая русские слова. Пленный отвечал так же медленно, будто бы и он тоже подбирал слова. Но причина была другой. В его глазах отражалось недоверие. Наверное, он не доверял не только мне, но и самому себе. Я снова спросил у него, не хочет ли он поесть. «Да, – вдруг с улыбкой согласился он, – у меня ничего не было во рту со вчерашнего утра». Унтер-офицер предложил ему консервированной колбасы между двумя толстыми ломтями хлеба. «Ochen spasibo (Благодарю вас)», – сказал пленный. Он начал жадно есть, уставившись взглядом на гусеницу танка. Проследив за его взглядом, фельдфебель вдруг рассмеялся и, воскликнув «Ах!», вскочил, вынул из сумки ключ и затянул один из болтов на траке. Все солдаты засмеялись. Пленный тоже рассмеялся. Он был несколько смущен, он не хотел вмешиваться в это, он чувствовал свою вину за то, что якобы поступил невежливо. Как бы ему хотелось не заметить тот болт! «Спасибо!» – выкрикнул фельдфебель. Пленный покраснел и присоединился к общему смеху. Я спросил его, является ли он кадровым офицером. Он подтвердил, что это так. Затем он добавил, что служит в армии всего два года. «А что было до этого?» – поинтересовался я. До этого он работал на машиностроительном заводе в Харькове, на Украине.

Он был «стахановцем» и «ударником», то есть «передовиком производства». В награду за труд его направили в школу, где обучают на офицеров. В механизированных частях Красной армии очень много бывших стахановцев из технических отраслей. «Это глупо, – покачав головой, проговорил пленный, – лишит предприятия промышленности лучших работников». Он говорил медленно, с почти неуловимой ноткой досады. Тон голоса был таким, будто этот человек потерял ко всему интерес. Я не мог догадаться, о чем он думал и что чувствовал в тот момент.

Пока мы разговаривали, вернулся посыльный. «Отправляемся!» – скомандовал фельдфебель. Пленный поднялся на ноги, провел рукой по обритой голове и с живым интересом посмотрел на танки и грузовики. Теперь я понял. Его уже ничего не интересовало, кроме машин. Он внимательно взглянул на гусеницы и на открытые люки башен танков, на зенитные пулеметы, установленные в задней части грузовиков, на легкие противотанковые орудия, прикрепленные к ним. Он не был больше офицером, он снова стал рабочим. Все, что теперь ему было интересно, – это машины.

«Отправляемся!» – повторил команду унтер-офицер. Я спросил у него, что они собираются делать с пленным. «Мы передадим его первому же встреченному фельджданарму», – был ответ. «До свидания», – попрощался я с пленником. «До свидания», – попрощался он со мной в ответ. Он пожал мне руку и забрался в кузов грузовика. Колонна тронулась с места, выкатилась на дорогу, какое-то время прогремела впереди, а потом исчезла из вида.

Лошади кавалеристов громко ржали и беспокойно били копытами землю, отрывали и отправляли в желудки блестящую траву изумрудного цвета. По команде офицеров солдаты стали прыгать в седла. Медленным аллюром эскадрон пошел вперед. «La revedere!» – кричу я солдатам. «La revedere!» – отвечают они мне. И когда фигурки всадников медленно растаяли

за горизонтом, я услышал за горизонтом гул орудий, очень тихий, который доносился откуда-то совсем издалека, из-за горизонта.

Глава 4 За Прутом

Шанте-Бани, Бессарабия, 2 июля

Вчера погода была неустойчивой. Очень холодный пронизывающий ветер свистел вдоль обширных зарослей тростника, где бродили многочисленные коровы и лошади. Примерно через восемьдесят километров пути дорога от Ясс на Штефэнешти идет по правому, румынскому, берегу реки Прут, проходя вдоль края обширной заболоченной долины у реки, которая вплоть до последних дней обозначала границу между Румынией и Россией. Примерно к десяти часам, после около пяти с половиной часов езды, мы оказались на расстоянии нескольких километров до Штефэнешти. Крыши из гофрированного железа домов этого большого поселка или, скорее, небольшого городка уже начали просматриваться сквозь бесчисленные лучи солнечного света, когда послышавшийся над головой рев двигателей и характерные звуки разрывов зенитных снарядов заставили нас остановиться и спрятаться вместе с машинами под прикрытием деревьев. Через несколько мгновений мы услышали, как первые советские бомбы взрываются впереди, между домами в Штефэнешти. Это был жестокий интенсивный авиа налет, который закончился только тогда, когда в сером небе над землей появились истребители «Мессершмитт». Невидимый воздушный бой, который теперь разыгрался между плотными облаками, постепенно сместился к границе, а затем перешел в небо Бессарабии. Тогда мы смогли продолжить наше путешествие и вскоре въехали в поселок Штефэнешти.

В результате непрекращающихся советских налетов от маленького уютного городка у реки Прут осталась только груда дымящихся руин. Когда мы туда въезжали, множество домов все еще пылало. Время от времени улицы городка пересекали группы немецких солдат с носилками, на которых лежало что-то, укрытое простыней. На маленькой площади за церковью два больших немецких грузовика, получившие прямые попадания, превратились просто в искореженные груды металла. Одна из тяжелых бомб попала прямо напротив входа в сад вокруг церкви, в нескольких шагах от небольшого кладбища, где покоились немецкие солдаты, погибшие во время воздушных налетов. Посреди перекрестка стоял на посту солдат фельджандармерии, строгий и неподвижный. По его лицу струилась кровь. Солдат не ушел со своего поста.

– Как нам проехать к мосту? – спросили мы у него.

Он поднял свой красно-белый жезл и указал нам направление. Повернувшись, он заметил, как группа из пяти или шести мальчишек, старшему из которых едва ли было больше десяти лет, сбилась испуганной кучкой у входа в кафе на углу улицы. (Автоматически я прочитал слова на сбитой табличке, повисшей над дверью: «Центральное кафе Янку Либермана».) Внутри здание было полностью разрушено, и даже в тот момент, когда я посмотрел туда, несколько клубов дыма все еще медленно плыли оттуда на улицу. «Weg, weg, Kinder!» – прокричал фельджандарм одновременно суровым и дружеским голосом и улыбнулся, вытирая окровавленное лицо рукой. При звуках его голоса дети молча бросились наутек и скрылись в развалинах ближайшего дома. Полицейский со смехом объяснил нам, что дети обычно стояли так целый день, смотрели, как он машет руками, поднимая и делая резкие повороты жезлом, чтобы упорядочить плотный поток движения транспорта. «Они не уходят, даже когда здесь падают бомбы, – добавил он, – они больше боятся меня, чем русских бомб. Но стоит лишь мне повернуться к ним спиной...» И даже в тот момент, когда он произносил эти слова, мы видели, как детские лица осторожно появляются из-за разрушенной стены. «Nichts zu machen (Ничего не поделаешь)», – с улыбкой заметил солдат фельджандармерии.

До недавнего времени в Штефэнешти было два моста через Прут, оба построенные из прочных деревянных бревен. Однако после начала военных действий русским удалось их взорвать, и какое-то время казалось, что немцы не сумеют переправиться на другой берег реки.

И на самом деле, в первые дни войны немецкие войска на этом участке вели себя очень пассивно. Ни одна пуля, ни один снаряд не был выпущен с румынской стороны в сторону советского берега. Жизнь была почти идиллической. Военные действия ограничивались воздушными боями между советскими самолетами, которые периодически бомбили Штефэнешти, и группами немецких истребителей, осуществлявших поддержку войск на этом участке. Но два дня назад немецкие саперы, которых не остановил огонь советской артиллерии, неожиданно начали строить понтонный мост, а еще через три часа вдоль советского берега развернулись танковые бои с участием немецкой танковой дивизии.

Этим утром мы проехали по понтонному мосту возле людей из организации Тодта, которые уже занимались возведением второго моста. Несмотря на то что работа постоянно прерывалась воздушными налетами, она шла быстро и методично, будто бы в полосе ста километров отсюда и не было советских войск. А на самом деле русские находились отсюда не далее чем в двадцати километрах, за дальними холмами.

Мы миновали еще одну сельскую триумфальную арку с эмблемой серпа и молота, которые большевики водрузили на всех своих приграничных пунктах. Ни один из домов советского села на левом, восточном, берегу Прута напротив Штефэнешти, казалось, не был разрушен. Немцы явно берегли дома бедных жителей Бессарабии⁶. С хладнокровием, граничившим порой с высокомерием, они переправились через реку без единого выстрела. Дюжина белых крестов из дерева акации выстроились вдоль берега реки у этой не тронутой войной деревни. Я остановился, чтобы прочитать имена павших. Все они были почти мальчишками, в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Немецкие солдаты вылезали из машин, набирали букеты диких цветов и клали их на могилы своих товарищей.

Я оглянулся вокруг. Дома в деревне с их белеными стенами и соломенными крышами выглядели чисто и опрятно. Деревянные наличники окон вручную украшены красивыми мозаичными узорами. За низкими палисадниками маленьких садиков вокруг домов стояли группы женщин и детей, которые смотрели на проходившие мимо моторизованные колонны. Старики неподвижно сидели в дверях, уронив головы на грудь. Совсем не было видно молодежи и мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет. В то же время много девушек, все молодые и не лишённые привлекательности в своих ярких платьях и платках красно-белого цвета. У девушек веселые глаза, но их лица бледны и печальны, и в их грусти видна изрядная толика горечи. Бледность свидетельствовала о недоедании и об эмоциях, которые я не мог определить. Это какое-то физическое выражение образа мыслей, о котором я, наверное, еще буду говорить в свое время, когда мне удастся проникнуть в тайну этих веселых глаз и бледных, печальных лиц.

Удивительно наблюдать за пасущимися на лугах коровами, за тем, как колышутся на ветру золотистые колосья, как мечутся между гусеницами остановившихся на пыльной дороге танков куры. Румынский берег, который мы покинули лишь несколько минут назад, был покрыт плотным туманом, а здесь нас встретила пыль. Это, как я полагаю, происходит оттого, что румынский берег расположен в заболоченной низине, в отличие от советского, который постепенно поднимается вверх рядом радиально расположенных обширных ступеней, образуя амфитеатр холмов, покрытых лесами и полями созревающей пшеницы.

Прямо на выезде из села мы присоединились к немецкой моторизованной колонне, с которой будем двигаться всю оставшуюся часть нашего пути в сторону фронта.

Незадолго до полудня колонна отправились в путь. Пронсясь через бессарабские села, она оставляла за собой огромное облако пыли, пачкавшее зелень холмов, будто столб черного дыма при большом пожаре. Передовые части прошли здесь всего несколько часов назад, и вокруг нас все говорило о только что закончившихся боях, их специфический запах все еще стоял в нагретом воздухе. Все указывало на то, что это были скорее короткие жестокие стычки,

⁶ Вряд ли это так. Скорее рассчитывали использовать для размещения своих подразделений.

чем полноценные бои. Немецкие войска на этом участке медленно, но неотвратимо продвигались вперед, парализуя непрерывающимися сериями охватывающих маневров и жестких ударов мобильность русской обороны. В свою очередь, противник при поддержке танков часто переходил в контратаки против наступающих на него головных и фланговых немецких частей.

Однако чувствовалось, что эти контратаки имели очень скромные цели: они явно проводились для того, чтобы задержать, но не остановить немецкое наступление. Тем не менее ощущалось, что начиная с этого утра советские войска начали действовать более решительно на возвышенностях восточнее и севернее поселка Зайканы, расположенного примерно в десяти километрах отсюда. С каждым часом все более отчетливым становился грохот артиллерии, к которому примешивались резкие трескучие звуки выстрелов зенитных орудий.

Мы медленно продвигались вперед, как из-за плотного движения, так и из-за многочисленных препятствий, которые отступавшие русские войска щедро разбросали на пути. Некоторые участки дороги испещрены минными воронками. В траве вокруг на километры разбросаны стальные шлемы, перевернутые мотоциклы, остатки автомобильной техники, уничтоженной после попаданий бомб и снарядов. Пока мы поднимаемся на высоту, нависающую над Штефэнешти, на местности становится все больше и больше свидетельств проходивших здесь боев. На каждом метре земли зияют воронки снарядов. Вот, сделав остановку, мы наткнулись на лежащий прямо на дороге на боку советский танк, длинное спаренное [с пулеметом] орудие которого все еще нацелено в сторону долины. Здесь бой был долгим, яростным и жестоким. Русский танк поддерживало лишь небольшое подразделение пехотинцев из Туркестана, окопы которых были вырыты в пшеничном поле и под деревьями. Кажется, воздух до сих пор гудел от взрыва снарядов, он наполнен тем медленным гулом, что всегда сопровождает огонь артиллерии. Тучи мелких серых птиц низко летели над пшеничным полем, посвистывая, будто пулеметные пули.

Во время короткой остановки, которую мы были вынуждены сделать, наткнувшись на одну из многочисленных воронок на дороге, мы вышли и осмотрели поле боя. Советский танк имел огромную дыру в борту, через которую виднелись его вывороченные стальные внутренности. Однако мы так и не смогли обнаружить ни одного тела русских солдат, как долго ни всматривались. Когда это возможно, большевики забирают своих мертвых с собой. И всегда они уносят свои документы и полковые знамена. Группа немецких солдат внимательно осмотрела подбитый танк. Они были похожи на экспертов, расследовавших на месте причины аварии транспортного средства. Больше всего их интересовало качество техники противника, а также тактика ее применения на поле боя. Другими словами, им нужно было знать два аспекта технической оснащенности советской стороны, промышленный и тактический. Они изучали небольшие окопы, отрытые русскими, ящики для боеприпасов, брошенные винтовки, снарядные воронки, металл, из которого изготовлен танк, конструкцию спаренной [с пулеметом] пушки. При этом они, покачивая головой, приговаривают: «Ja, ja, aber...» Весь секрет немецких успехов подразумевается этим «aber...», то есть тем, что следует за словом «но».

Наша колонна снова двинулась в путь. Мы обгоняли батальоны пехоты, колонны артиллерии, кавалерийские эскадроны. Рев автомобильных двигателей, красные клубы пыли, покрывавшие холмы... Сквозь плотный туман проглядывали солнечные лучи. Они отражались на металле танков и на взмыленных крупах лошадей. Порывы пронизывающего ледяного ветра оставляли на толстом слое пыли глубокие борозды. Наши рты были полны песка, резало глаза, веки стали кроваво-красного цвета. Сейчас июль, и при этом стоял жуткий холод. Сколько часов мы уже провели в дороге? Сколько километров мы преодолели? Солнце уже садилось, влажность начинавшегося вечера проникала сквозь пыль и грязь в стальное чрево танков. Со стороны горизонта доносился ритмичный грохот орудий, похожий на удары гигантского поршня. Этот звук становился громче и одновременно мягче, усиленный и чуть измененный эхом.

Только что посыльный доставил в колонну приказ остановиться и развернуться на лугу у дороги под прикрытием деревьев. Всего за несколько минут колонна приняла построение, предусмотренное для ночных привалов. В небе над холмами и долинами, на которые уже легла глубокая тень и которые уже увлажнила вечерняя роса, слышался гул моторов. «Где-то там идет бой», – сказал лейтенант Лаузер, молодой человек с плечами атлета и мальчишескими глазами за толстыми стеклами очков (он доцент какого-то университета, если я не ошибаюсь). Лейтенант указал мне направление к горизонту, туда, где облако пыли было выше и плотнее, напоминая дым костра.

Над деревьями и полем слегка мерцали зеленые отблески. По дороге мимо проехала колонна санитарных машин с ранеными. Как отличаются раненые на этой войне от тех, что были двадцать пять лет назад! Я уже говорил это раньше: они больше похожи на рабочих, получивших травму на рабочем месте на производстве, чем на солдат, раненных в бою. Они молча курят, их лица несколько бледны, чуть напряжены. Возле нашей колонны ненадолго остановился коммерческий автобус из Бухареста, реквизируемый армейской медицинской службой. Он полон ходячих раненых, у многих забинтованы головы. У немецкого водителя танка по локти забинтованы обе руки. Его товарищ сунул ему в рот зажженную сигарету. Большой черный берет солдата надвинут на глаза, механик-водитель молча курил, лениво глядя вокруг. Может быть, боль не имела власти над сознанием этих солдат, озабоченных самим физическим фактом своего ранения, абстрагировавшихся от всего и полностью погруженных вовнутрь себя. Автобус отъехал, и все эти бледные лица поглотил зеленоватый отблеск света.

Солдаты нашей колонны сидели на траве, ели хлеб с мармеладом, пили чай, который везли с собой в термосах, выкрикивали что-то, перешучивались, переговаривались тихими голосами. Они не говорили о войне. Я заметил, что они никогда не разговаривали о войне. Они пели, но не хором, а каждый для себя. Быстро закончив свою трапезу, они занялись своими машинами: подтягивали гайки и болты, смазывали механизмы, ложились под днища танков, чтобы что-то проверить, что-то отрегулировать. Затем, после наступления ночи, солдаты, завернувшись в одеяла, легли спать на сиденья машин. Я тоже завернулся в одеяло и пытался заснуть.

Постепенно на небе появился бледный силуэт: это взошла луна. Я думал об отступлении советских войск, об их трагической одинокой отчаянной борьбе. Это не классическое русское отступление времен «Войны и мира», а отход в отблесках пламени, по дорогам, наводненным беженцами, ранеными, брошенной техникой. Обстановка на поле боя напоминает завод после неудачно закончившейся забастовки: холодно, пусто и безнадежно. На земле кое-где лежит брошенное оружие, военные головные уборы, несколько развороченных машин. Колоссальное боестолкновение проиграно. Наверное, на этом поле битвы нет Андрея Болконского, который лежал на ночном поле при Аустерлице; лишь несколько «стахановцев» из танковых экипажей, несколько пехотинцев из Туркестана. Неожиданно послышались голоса людей, проходивших по дороге. Потом я услышал хриплый голос. Это русский настойчиво, почти переходя в крик, приговаривал сам себе: «Нет, нет».

Он говорил «нет», будто протестуя. Я не видел лиц пленных. Топот шагов стих в отдалении, и постепенно я уснул, убаюканный далекими голосами пушек.

Глава 5

Технология и «производственная культура»

Зайканы, Бессарабия, 6 июля

Вчера, когда наша колонна двигалась вперед из безымянного селения на русском, левом, берегу реки Прут по зеленеющей долине и под красными облаками (облака действительно были красного цвета, они будто бы сошли с коммунистических пропагандистских плакатов, наклеенных прямо на небо) в направлении Шанте-Бани, передо мной вдруг открылась посреди пшеничного поля, этого созревающего изобилия, почти готового к сбору урожая, вызывающая отторжение картина поля сражения. Брошенные советские танки, разбитые после попаданий снарядов и бомб, поломанные винтовки, ящики с боеприпасами, перевернутые машины. И в определенный момент я вдруг подумал, что это не было обычной войной и что задача добросовестного наблюдателя, невозмутимого и объективного свидетеля хода русской кампании «модели 1941 г.», может очень отличаться от спокойного и объективного освещения любой другой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.